

Петя Андреева

(Petya V. Andreeva) — старший преподаватель Школы дизайна Парсонс, преподает историю азиатского искусства и дизайна. Изучает способы украшения тела в погребальном, в том числе декоративном, искусстве ранних кочевых сообществ Центральной Евразии. Исследует передачу форм прикладного искусства и эстетических концепций по шелковым путям и другим торговым маршрутам, существовавшим до Нового времени.
andreevp@newschool.edu

Сверкающие Тела:

погребальные обычай в культурах евразийских кочевников (700–200 годы до н.э.)

Аннотация

Неоседлые культуры всегда существовали на задворках науки и на периферии искусствоведческого канона: там они остаются по сей день, затерянные между устаревшими оппозициями «восточного» и «западного», «высокого» и «низкого» искусства, оказавшиеся на стыке разных дисциплин — истории искусства, археологии и этнографии, — каждая из которых трактует их по-своему. В кросс-культурных исследованиях кочевые сообщества обычно привлекают внимание лишь в той мере, в какой их можно рассматривать как наиболее активных посредников между оседлыми империями в заданных координатах «Востока» и «Запада», — отсюда недавний всплеск интереса к понтийским скифам, соседям древних греков, с которыми они торговали и воевали, или к хунну, чей кочевой

Статья впервые
опубликована
в журнале
Fashion Theory:
The Journal
of Dress, Body
& Culture
(опубл. онлайн
28 октября 2021)

союз представлял геополитическую угрозу для Китая в раннеимперский период. Однако кочевники-скотоводы, жившие у границ Китая и Греции, оставили после себя множество декоративных золотых изделий, свидетельствующих о сложной системе образов и продуманной эстетике, укорененной в зооморфизме. Настоящая статья посвящена способам украшения тела и погребальному декоративному искусству, образцы которого встречаются в захоронениях представителей элиты в ранних кочевых сообществах Центральной Евразии. Обязательными атрибутами захоронения знатного человека были золотые уборы, метонимически отсылавшие к образам животных, и иноземные экзотические украшения. Элементы декора призваны были показать, что земную жизнь представитель элиты прожил как отважный, повсеместно уважаемый политический деятель и гордый обитатель степей.

Ключевые слова: евразийские кочевники; украшение тела; погребальное искусство; зооморфизм; публика; золото

Введение

Поскольку степные кочевники, населявшие Евразию железного века, не оставили никаких письменных свидетельств, в историографии они чаще всего предстают с точки зрения своих геополитических противников и оседлых соседей: Китая, Персии, Греции, — чьи монументальные памятники нередко ошибочно воспринимают как «архетипы» более мобильных объектов, производимых кочевыми народами. Визуальность и эстетику ранних кочевников почти не рассматривают в отрыве от оседлых политических субъектов. Тем не менее в период с 700 года до нашей эры по начало нового тысячелетия евразийские скотоводы оставили масштабные захоронения (курганы), разбросанные по евразийским пастбищам, растянувшимся на 8000 километров. Эти роскошные захоронения, изобилующие золотыми украшениями, войлочными и шелковыми тканями, принадлежали представителям высших слоев кочевых сообществ, поэтому неудивительно, что их тела были покрыты тысячами золотых пластин, пряжек и других украшений, уложенных в ритуальном порядке. Если связь между их материальным богатством и принадлежностью к элите очевидна, визуальные и театральные аспекты подобных захоронений обладают огромным и не вполне освоенным теоретическим потенциалом. Но прежде чем углубляться в эту тему, следует оговорить, что дать четкое определение «элитам», как их понимали кочевые сообщества, практически невозможно. Так как исторические источники, описывающие евразийских

кочевников, скудны и односторонни, элиты, фигурирующие в китайских или греческих текстах (на некоторые из них я буду ссылаться), необязательно совпадают с элитами, на которых указывают археологические находки и материальное наследие которых составило предмет настоящего исследования (Di Cosmo 2013: 23–53). Но в этой работе я не упускаю из виду разницу между воинами среднего ранга, входившими в элиту лишь благодаря военным заслугам, и «сверхэлитой», составлявшей крайне немногочисленное ядро общества; именно последняя принимала решения, и именно к захоронению ее представителей подходили особенно тщательно.

В статье я анализирую зооморфные образы в украшениях евразийских кочевников железного века. Тела животных, неправдоподобные, фантастические, разрозненные, далекие от современных представлений об анатомии, украшают погребальное убранство и одеяния элиты кочевых союзов. В своей работе я не разбираю значение этих образных систем — скорее меня интересует их функция как действенного политического инструмента. Величайшая эпистемологическая ценность системы образов, разработанной кочевниками, в том, что эти образы метонимически замещают Природу, личность и положение этой личности внутри по определению нестабильной элиты. Большинство зооморфных композиций украшало роскошные переносные изделия, которые ранние кочевники легко могли взять с собой, когда наступало время перемещаться на новое сезонное пастбище. Потом они стали использовать такие золотые украшения для погребения. В фигурах животных в подобных изделиях явно подчеркивается мотив замещения. Метонимический способ выражения, построенный по принципу «часть вместо целого» (или даже «вместо формы»), преобладает в системе образов на всем степном пространстве — от Монголии и Южной Сибири до Крыма. Как я покажу дальше, визуальная синекдоха и необычайная сжатость визуальных образов кочевников обусловлены не просто стилистическими приемами, эстетическими предпочтениями или материальными удобствами. Такие концептуальные подмены куда больше говорят о претензиях тех, кто создавал эти изделия, на политическое лидерство, выражающихся в том, что Эрнст Гомбрих назвал бы «чувством порядка» со своей внутренней логикой (Gombrich 1979). В данном случае новый биотический и визуальный «порядок» перерастал в особую риторику, понятную только узкому кругу элиты (или, как называл его Райнхард Венкус, *traditionskern*¹), манипулировавшей коллективной памятью всего сообщества. Разные группы кочевников вкладывали в образы гибридных животных разный смысл, но эти образы оставались однозначными признаками

принадлежности к элите и божественной миссии, их было легко воспроизводить и перемещать в пространстве. Наконец, зооморфные образы на теле кочевника подводят нас к вопросу о публике. Меня здесь интересует не столько загробная публика, сколько реальные свидетели погребения, чью роль как участников этого визуального спектакля не стоит недооценивать. Кто должен был видеть сверкающее, убранное тело знатного покойника и любоваться им, прежде чем оно навеки скроется от земных взоров? Какие политические смыслы таились в продуманном ритуале украшения безжизненного, казалось бы, тела неправдоподобными зооморфными фигурами из золота? И какие визуальные аспекты объясняются образом жизни кочевников-скотоводов и психологией постоянных перемещений? Вот главные вопросы, к ответу на которые я постараюсь приблизиться. **Продолжение и иллюстрации в печатной версии.**